

УДК 101.1:323

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-3-320-330

БИОПОЛИТИКА И БИОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: СУЩНОСТЬ КОНЦЕПТОВ

Желнин Антон Игоревич

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Статья посвящена феномену биополитики. Реализуется попытка прояснить производственно-экономические основания биополитики (в частности вводится и исследуется концепт «биополитической экономики»). С другой стороны, проводится разграничение между биополитикой и биовластью. Биовласть — относительно новый вид власти, распространяющийся на витальные основы жизни человека и общества. Биовласть является яркой разновидностью «мягкой власти», не предполагающей прямой контроль и эксплуатацию, а действующей опосредованно: например, через искусственное конструирование и навязывание новых потребностей, продвижение новых видов товаров и услуг. Одним из косвенных агентов биовласти выступает медицина, которая в результате процесса интенсивной медиализации общества стала включать в поле своей юрисдикции все большее количество жизненных ситуаций и проблем. Несмотря на свою «мягкость», биовласть не перестает быть властью, так как сохраняется асимметрия между ее субъектами и объектами. Политэкономический подход является перспективным в анализе биовласти, так как последняя имеет экономические корни и, по сути, возникает как расширение власти капитала, следствие его экспансии на новые сферы с целью поиска источников извлечения прибыли. Так, некоторые теоретики пишут о «биокапитале» как о новой форме последнего. Вместе с тем в современном обществе заметна новая глобальная тенденция, связанная со все более масштабным обращением к горизонтальным способам социального взаимодействия. Многие из них основываются на сетевом принципе и предполагают широкую автономию, коммуникативное и кооперативное равноправие ее субъектов. Вследствие такой трансформации властная асимметрия постепенно «сглаживается». В данном контексте перспективно рассматривать биополитику не как простое выражение биовласти, а как потенциально качественно новый способ взаимодействия между людьми, общественными группами и институтами по поводу биологических аспектов своего существования вплоть до возможности разумного управления ими. Последнее должно быть понято не как прямой контроль, а как прогнозирование и планирование с целью наиболее оптимального функционирования и развития биологии человека.

Ключевые слова: биополитика, биовласть, биополитическая экономика, биоэкономика, биокапитал, биокапитализм, мягкая власть, медицина, медиализация, управление, планирование.

BIOPOLITICS AND BIOPOLITICAL ECONOMY: ESSENCE OF CONCEPTS

Anton I. Zhelnin

Perm State University

The article is devoted to the concept of biopolitics. An attempt to clarify the productive and economic basis of biopolitics is made (for instance the concept of «biopolitical economy» is formulated and analyzed). On the other hand, a conceptual distinction between biopolitics and biopower is shown. Biopower is a relatively new kind of power, spreading to the vital foundations of human and social life. Biopower is a bright representative of so-called «soft power», which does not imply direct control and exploitation, but acts indirectly, for example, through the artificial design and imposition of new needs, the promotion of

new types of goods and services. Medicine became in this sense one of the indirect agents of biopower, which through processes of intensive medicalization begins to include more life situations and problems into field of its jurisdiction. Despite its «softness», biopower doesn't cease to be power, since the asymmetry between its subjects and objects remains. Politeconomical approach is promising in analysis of biopower because the latter has economic roots and, in fact, arises as extension of power capital and consequence of its expansion into new spheres in search of sources for profit making. Several authors write about «biocapital» as a new form of it. At the same time, in modern society a global transformation is noticeable, which is associated with an increasingly large-scale transit to horizontal modes of interaction based on the network principle and involving broad autonomy, communicative and cooperative equality of its subjects. Power asymmetry is gradually «smoothed out». In this context, it is promising to consider biopolitics not as a simple consequence or expression of biopower, but as a potential qualitatively new way of interaction between people, public groups and institutions about the biological aspects of their life, directly up to the possibility of reasonable management of them. This management should be understood not as direct control but as foresight and planning with the aim of optimization of functioning and development of human biology.

Keywords: biopolitics, biopower, biopolitical economy, bioeconomics, biocapital, biocapitalism, soft power, medicine, medicalization, management, planning.

Введение

Биополитика является чрезвычайно популярным современным концептом [Lemke T. et al., 2011]. Несмотря на различия в его интерпретациях [Самовольнова О.В., 2017], теоретики так или иначе отмечают, что данный феномен связан с распространением, экспансией властных механизмов на витальные стороны жизнедеятельности людей. Вместе с тем феноменологический факт расширения поля власти может иметь совершенно разное теоретическое объяснение в рамках той или иной парадигмы, что во многом связано с различием в понимании природы власти и сферы политики как таковых. Думается, перспективным для понимания сущности феномена биополитики может явиться политэкономический подход, который может вскрыть ее основания в соответствии не только с известным принципом «политика — концентрированное выражение экономики», но и с фундаментальным подходом, который в конечном счете связывает суть того или иного социального феномена с особенностями способа производства и его изменениями. Способ производства может быть понят с точки зрения не только экономики, но и антропологии — как конкретно-исторический модус производства человеком самого себя. Актуальность этой связи заключается еще и в том, что природа человека имеет иерархический характер и включает в себя, наряду с чисто социальными феноменами, биологическую сторону. Соответственно, процесс производства неотъемлемо обладает

собственным биологическим фундаментом; в свою очередь, человеческая биология требует регулярного воспроизводства, которое реализуется во многом посредством потребления произведенного. Повторное признание наличия у человека, помимо «неорганического тела» (природы как всеобщего предмета труда), собственного «органического тела» с особой внутренней логикой, заставляет некоторых теоретиков современного марксизма все чаще прибавлять к термину «органический» приставку «био» [Рыбин В.А., 2018].

Начало применения политэкономического подхода по отношению к биополитике было положено М. Хардтом и А. Негри, которые во многом опирались на концепции М. Фуко, Дж. Агамбена, Ж. Делеза и Ф. Гваттари, критически пересмотрев их теории в русле производственной парадигмы. По их мнению, биополитическая власть — это власть, распространяющаяся на абсолютно все стороны и аспекты человеческой жизнедеятельности: «Наивысшая функция этой власти — охватить все сферы жизни, а ее важнейшая задача — управление жизнью. Таким образом, биовласть обращается к ситуации, в которой ставка делается непосредственно на производство и воспроизводство самой жизни... Когда власть становится биополитической, социальное тело целиком поглощается машиной власти и развивается в ее виртуальности. Таким образом, власть выражает себя как контроль, полностью охватывающий тела и сознание людей и одновременно

распространяющийся на всю совокупность социальных отношений» [Хардт М., Негри А., 2004, с. 36–37]. *Хардт и Негри доказывают, что субъектом биовласти является глобальный капитал, ищущий все новые пути извлечения прибыли и далеко не всегда имеющий политическое (государственное или надгосударственное) «лицо». Биовласть — это по своей природе экономическая власть, целью которой является явная или скрытая эксплуатация в рамках производства, понимаемого предельно широко как производство жизни, «жизненного мира» в его целокупности.* Вместе с тем их подход создал некоторые препятствия для дальнейшего концептуального анализа. Прежде всего, это чисто терминологическая неопределенность в соотношении понятий «биополитика» и «биовласть»: иногда они отождествляются, но чаще биополитика рассматривается как простое приложение к биовласти или ее выражение [Барбарук Ю.В., Барбарук А.В., 2018]. Второе ограничение — идеологическое: оно связано с сугубо негативным отношением к биополитике, вызванным критикой системы неолиберализма, порождением которой она считается. *Цель статьи — показать, что эти ограничения взаимосвязаны, и наметить пути их успешного преодоления при использовании и концептуальном углублении содержания политэкономического подхода.*

Биокапитал

Действительно, современные феномены массового «внедрения» капиталистической логики в область человеческой биологии совершенно закономерно вызывают критику. Все чаще в разных ракурсах говорится о *биокапитализме* как качественно новой стадии «позднего» глобального капитализма [Peters M.A., Venkatesan P., 2010]. С этой же позиции критики трактуется и биовласть, которая, повторимся, понимается как власть капитала, диффузно проникающая во все новые сферы существования вплоть до бытовой повседневности. Стоит согласиться с тем, что в случае биовласти ее объектом выступает психосоматическое бытие человека во всей его целостности [Чешко В.Ф., Глазко В.И., 2009]. М.Н. Nadesan отмечает, что биовласть является предпочтительной для современной неолиберальной системы: создавая иллюзию максимальной эффективности и «всеобщего

процветания» при сохранении формальной свободы субъектов через принцип *laissez-faire*, распространенный на все стороны жизни (в том числе витальные), она де-факто «может также служить интересам накопления капитала и рыночных сил путем выявления и оптимизации жизненных сил населения, максимизируя их потенциал как людских ресурсов и их полезность для рыночной капитализации. Таким образом, биовласть может дополнять и расширять власть капитала для экспроприации ценных ресурсов из производственных отношений» [Nadesan M.H., 2008, p. 3]. Вместе с тем некоторые ученые оспаривают идею того, что биовласть — это достояние сугубо современной эпохи. Авторы сборника с говорящим названием «Построение нового биокультурального синтеза: политэкономические перспективы человеческой биологии» пытаются проследить конкретно-исторические изменения формата взаимоотношений между производственно-экономической сферой и биологией человека. Одним из перспективных «мостов» для этого является адаптация, выступающая инвариантным механизмом существования живого, в том числе и человека. Меж тем они также занимают позицию критики, указывая на то, что в антагонистических обществах речь идет скорее о дезадаптации, чем об успешной адаптации: «Адаптационная перспектива оценивает, как люди отвечают на неблагоприятные условия, их потенциал для восстановления, когда их принципиальные ответы подорваны. Люди, пойманные в сети эксплуатации, пытаются приспособиться к ограничениям, наложенным на них» [Building a new biocultural synthesis..., 2010, p. 66–67]. N. Rose констатирует, что можно говорить не столько о биополитике, сколько о биоэкономике: «Переформатирование человеческих существ протекает внутри новой политической экономии жизни, в которой, по крайней мере частично, биополитика превратилась в биоэкономику» [Rose N., 2007, p. 17]. Последняя представляет собой продолжение рыночной системы со всеми ее составляющими: «Биоэкономика и ее составляющая (биокапитал) репрезентированы через показатели темпов роста инвестиций, числа компаний, доходности капитала, количества продуктов, поступивших на рынок, которые делятся на сектор, страну, регион и рассчитываются на годы вперед для демон-

страции их роста или снижения» [Rose N., 2007, p. 18]. Биокапитал является здесь центральным понятием, однако его не следует мистифицировать. Справедливо отмечается, что политэкономический анализ должен избегать «фетишизации всего “био”», помня, что такие феномены порождены приложением старых рыночных механизмов к новым источникам прибыли, например, капитализацией новейших биомедицинских технологий [Birch K., Tyfield D., 2013]. *Биокапитал является только этапом экспансии капитала, его несубстанциальным «зеркалом» на витальном уровне общественной жизни.*

Биовласть

Вместе с тем когда речь идет об эффектах контроля и эксплуатации капиталом биологических сторон жизни, более релевантно говорить именно о биовласти. Понятие «власть» генеалогически выражает иерархические отношения господства – подчинения. Даже предельно общие трактовки власти сохраняют эту асимметрию, понимая под ней способность субъекта системно оказывать влияние на объект [Ледаев В.Г., 2000]. Власть необходимо отличать от принуждения и чистого насилия: «Власть поэтому следует отличать от принуждения к какому-либо конкретному действию. У того, кто подвергается принуждению, возможности выбора сводятся к нулю... Принуждение означает отказ от преимуществ символической генерализации, отказ от того, чтобы управлять селективностью партнера... Каузальность власти заключается в нейтрализации воли подчиненного, а вовсе необязательно в ее сломе» [Луман Н., 2001, с. 18–19, 23]. Близкой позиции придерживается и Дж. Агамбен, полагая, что атрибутом власти является способность повелевать (т.е. управлять волей): «Власть перестает существовать не тогда, когда ей не повинуются более или менее в полной мере, но тогда, когда она перестает отдавать приказы» [Агамбен Дж., 2013, с. 30]. Современная неolibеральная система действует на свои объекты по большей части косвенно и ненавязчиво, что позволяет ввести понятие «мягкая власть» [Nye J.S. Jr, 2004]. *Биовласть является ярким примером такого типа власти; она диффузно проникает в разные сферы жизни, избегая при этом прямого контроля и принуждения: «Биовласть — власть “невидимая” и именно поэтому эффек-*

*тивная... Биовласть работает таким образом, что объект, подчиненный властному воздействию, просто перестает ощущать какое-либо давление, осознавая нечто происходящее как нечто, что свойственно ему» [Аласания К.Ю., 2018, с. 74–75]. Однако скрытый императив не перестает быть императивом. Еще Г. Маркузе отмечал, что одним из способов функционирования развитого капитала является манипулятивная «игра» с потребностями человека посредством управления уже имеющимися, конструирования и навязывания новых с целью искусственного повышения потребительского спроса [Маркузе Г., 2003]. Такая консьюмеризация является магистралью и для биовласти. Интересно предположение о том, что если бы с помощью биотехнологий можно было «отменить» старение и смерть, то это стало бы, по сути, потенциально бесконечным источником для извлечения капиталом прибыли и главным механизмом поддержания его дальнейшего существования [Harari Y.N., 2016]. Но даже в отсутствие «эликсира вечной молодости» новейшие биомедицинские открытия успешно коммерциализируются и продвигаются на рынок, так что можно констатировать «широкомасштабную капитализацию бионауки и мобилизацию ее элементов внутри новых отношений обмена» [Rainbow P., 2006, p. 203]. *Наконец, можно констатировать наличие тенденции медиализации, когда все большее количество проблем рассматриваются лежащими в сфере влияния медицины.* Ее, однако, не стоит понимать как просто линейную тенденцию экстенсивного расширения поля ее господства — процесс является обоюдным: медиализация и демедиализация могут протекать синхронно, но меж тем ведущей все-таки признается тенденция к «экспансии медицинской юрисдикции» [Conrad P., 2007, p. 7]. Это также дает дополнительные возможности для диссеминированного влияния биокапитала на жизнь в ее целокупности.*

Оккупация капиталом сферы человеческой биологии представляет собой своего рода завершение круга, так как идеи «саморегуляции», «естественности» и «невмешательства», лежащие в основе рыночной системы, исторически имели в самом начале телесно-натуралистические коннотации. Установление биовласти со способностью контроля сознаний и потребностей людей позволяет говорить уже не о теоре-

тическом редукционизме, а о вполне реальной биологизации жизни массы людей. Так, высказывается мнение о том, что «историческому насилию биовласти» начинает противостоять «новое технологизированное тело бедных» [Cocco G., Cava B., 2018, p. XVIII]. Речь в первую очередь идет о населении периферийных, бедных и одновременно бурно индустриализирующихся стран, в которых рынок ориентирован на удовлетворение их первичных, витальных потребностей. Но и в высокоразвитых постиндустриальных странах также можно говорить о подобной биологизации, только другого уровня: качество жизни в этих странах все больше оценивается с точки зрения биологии и медицины, доступ к тем или иным биомедицинским технологиям, облеченным в форму товаров и услуг, оказывается символом достатка и престижа. Причем речь идет не только о «привилегированных» методах терапевтического лечения, но и способах определенного «улучшения» тех или иных своих биологических характеристик, которые обобщенно получили наименование «human enhancement» [Human enhancement, 2010]. Границы последнего активно обсуждаются не только ввиду порождаемых им угроз морального плана, но и ввиду того, что их массовая коммерциализация потенциально способна привести к новому виду неравенства, который может иметь не внутри-видовой, а межвидовой (люди vs. сверх/постлюди) характер. *В целом очевидно, что во всех случаях капиталистическая форма биовласти активно формирует новый вид фетишизма, когда человеческая личность не только отделяется от своей деятельности, противостоящей ей в виде отчужденного и одновременно навязываемого многообразия товаров и услуг, но и все больше «заслоняется» существенно объективированной жизнью собственного тела, рассматриваемого как один из приоритетных источников потребления.*

Биополитика

Вместе с тем некоторые тенденции позволяют видеть перспективы эволюции данных феноменов. *Биополитика, как политика sui generis, по определению предполагает наличие субъектности, то есть активной позиции в реализации соответствующей деятельности. Именно это, по нашему мнению, отличает биополитику от*

биовласти, построенной (как и любая власть) преимущественно на «вертикальных» отношениях иерархии и субординации. А.В. Олескин полагает, что в современной биополитике начинают постепенно выделяться «горизонтальные (сетевые) структуры, отличающиеся отсутствием единого водителя ритма. Здесь сосуществуют, конкурируют, сложным образом взаимодействуют множество центров активности — частичных лидеров» [Олескин А.В., 2007, с. 1084–1085]. Это является специфическим отголоском более общей тенденции к децентрализации современной жизни, переходу к «мягким» формам власти и росту коммуникативно ориентированной самоорганизации. М. Кастельс, провозгласивший грядущее сетевое общество, в другой своей книге «Коммуникативная власть» отмечает, что «вертикальная форма коммуникации оказывается сломана в мире, характеризуемым превалированием горизонтальных сетей мультимодальной коммуникации», и что «диффузия горизонтальных коммуникационных сетей глубоко модифицирует практику власти в ряде социальных и институциональных измерений» [Castels M., 2013, p. XXII, XXIV]. Данная глобальная тенденция с далеко идущими последствиями может сигнализировать и о возможности смены формата «коммуникации» человека со своей биологией. Ее по-своему уловил Дж. Агамбен, отметивший, что «единственной сколько-нибудь серьезной задачей остается забота о биологической жизни и “интегральное управление” ею» и что «сама естественная жизнь и ее благосостояние как бы становятся последней исторической задачей человечества» [Агамбен Дж., 2012, с. 93]. Если абстрагироваться от итоговой идеи «конца истории», то можно вычленить указание на то, что *человечество может перейти к формату разумного управления своей биологией.*

Несколько конкретных трендов явно или косвенно указывают на рационализацию биополитического поля. Один из них — это революционные изменения в современной медицине, в частности, переход к ее превентивным и персонализированным формам (4-Р медицина), что предполагает приоритет профилактики, раннюю диагностику заболеваний (или predisposition к ним) через обнаружение их биомаркеров и предикторов, все более полный учет индивидуальных особенностей организма

пациента вплоть до генетического уровня, создание таргетных препаратов, широкую работу по сопутствующей лечению коррекции образа жизни, усиление экологической составляющей в медицине и т.д. Однако было бы неверным ограничивать данные трансформации только чисто медицинской сферой. Те же бурные процессы медиализации осложняют проведение границы между медициной и не-медициной в жизни человека и общества: еще М. Фуко писал, что «дьявольское в настоящей ситуации то, что каждый раз, когда мы хотим обратиться к области вне медицины, мы обнаруживаем, что она уже медиализирована» [Foucault M., 2004, p. 14]. Несмотря на описанные выше негативные следствия медиализации, по нашему мнению, не стоит поддаваться алармистским настроениям и рассматривать ее только в inferнальном свете. Она не является полностью результатом манипулирования, но косвенно свидетельствует и о все более возрастающем внимании человека к витальным аспектам своего бытия, о желании сознательно их улучшить. *Медиализация сама способствует автономизации пациента, переносу центра тяжести с лечения болезни на ее предупреждение или раннее обнаружение, а также мотивации улучшить параметры своего здоровья даже в отсутствие болезни, что предполагает повышение уровня рациональности по отношению к нему.* Вместе с тем в данном случае речь идет о сфере индивидуального выбора личной жизненной стратегии. Возникает несправедливый вопрос: можно ли говорить в потенции о биополитике на надындивидуальном, общественном уровне?

Когда речь заходит о возможности социального управления биологией людей, то на ум приходят известные антиутопии, причем сценарий О. Хаксли ввиду популярности механизмов мягкой власти является в значительной степени более реалистичным, чем сценарий того же Оруэлла: «Почти полного контроля над обществом власть достигает путем систематического поощрения желательного поведения с помощью множества видов практически ненасильственного манипулирования — физического и психологического» [Хаксли О., 2018, с. 10]. Также всплывает призрак евгеники, который заставлял таких теоретиков, как Ф. Фукуяма и Ю. Хабермас, видеть в биотехно-

логическом прогрессе опасную угрозу человеческой природе. Вместе с тем Хаксли опасался в первую очередь жесткого централизованного управления, когда социальное целое доминирует над индивидами, стремясь подчинить себе их индивидуальные биологии, стандартизировать последние: «Социальная общность, чьи ценности ставятся выше ценностей составляющих его частей, не является организмом в смысле муравейника или термитника. Это всего лишь организация, часть социального механизма. Организация не является осознающим себя живым существом. Предоставить организации примат над личностью — значит подчинить цель средствам» [Хаксли О., 2018, с. 45]. Ю. Хабермас уже видел угрозу в более децентрализованных, «интерсубъективных» попытках инструментализации и программирования биологии одного человека (например, ребенка) другим (например, родителем). Данный феномен был назван либеральной евгеникой, «не признающей разницы между терапевтическим и улучшающим вмешательством... и отдающей выбор целей для вмешательств на откуп индивидуальным предпочтениям участников рынка» [Хабермас Ю., 2002, с. 30]. Кажется, что ее перспектива снова указывает на то, что, в соответствии с неолиберальной логикой, есть смысл говорить об управлении биологическими основами жизни только на сугубо приватном уровне, сопряженном как с личным выбором, так и с личным же доступом к возможностям его реализации. Последнее в условиях интенсивной коммерциализации новейших технологий детерминируется экономическим статусом субъекта и порождает новую форму неравенства. Медицина во многом остается «агентом» капитала, поэтому специально указывается на то, что необходим своего рода «социальный контракт» между ней и обществом [Horne R. et al., 2015], чтобы доступ к ее инновациям не стал новой формой эксклюзивной привилегии элит, а был бы более или менее справедливо распределен среди населения. Однако разработка такого «контракта» уже де-факто была бы вариантом общественного управления.

Биополитическая экономия как теоретическая основа биополитики

Управление биологическими основами возможно на общественно-коллективном уровне, если

понимать под управлением не контроль (тем более тотальный) и прямое вмешательство, а регулирование, прогнозирование и планирование в широком смысле. *Примером такого умеренного подхода может быть не буквальная трансформация человеческой биологии, а установление и реализация оптимальных условий для более гармоничной реализации человека в биологическом аспекте, для установления наиболее подходящего типа нагрузок на его организм.* Вместе с тем об управлении биологическим в настоящее время чаще всего говорят применительно к внешней, окружающей человека природе, что обусловлено экологическим кризисом. Так, в недрах менеджмента, во многом претендующего на общую теорию управления, сформировался раздел эко- (или инвайронмент-) менеджмента, направленный на установление и поддержание устойчивой коэволюции общества со средой обитания [Schaltegger S. et al., 2017]. Все более широкую популярность приобретает и концепт «управляемой эволюции», который пока также в основном применяется для характеристики воздействия человека на биосферу, а не на собственную биологию [Яблоков А.В. и др., 2017]. Вместе с тем возможность последнего также имела бы эволюционный фундамент и коренилась бы в такой общей для всего живого тенденции, как аутопоэзис, что буквально означает «самоконструирование», «самотворение» [Mingers J., 2013]: человек, перейдя к разумному управлению своей жизнью в целом и биологической жизнью в частности, по сути логически завершил бы данный тренд, полностью его реализовав.

Вместе с тем возможность такой позитивно истолкованной биополитики встречает ряд препятствий, как специфических, так и имеющих сходства с другими формами управления. Первые связаны со сложностью объекта управления, недостаточным пониманием фундаментальных механизмов функционирования биологии человека. Ко вторым главным образом относится возможность эксплуатации данного регулирования в частных интересах (в данном случае биополитика останется биовластью) и преимущественная стихийность общественной жизни, порожденная рыночными механизмами. *Неолиберальная система, основанная на принципах самоорганизации, конкуренции и невмешательства, по нашему мнению чужда идее*

управления в принципе. Д.И. Дубровский также отмечает в этой связи более общую антропологическую асимметрию в векторах деятельности человека, когда подавляющая часть активности направлена вовне, а не на себя самого: «Впрочем, дефицит самопознания был характерен для всех этапов истории человечества. Бросается в глаза разрыв, вопиющая несоразмерность деятельности познавательной и преобразующей, направленной во внешний мир, с одной стороны, и самопознания и самопреобразования — с другой» [Дубровский Д.И., 2012, с. 52]. *Современная система глобального капитализма функционирует в этом смысле в условиях существенного «дефицита разумности», при отсутствии должной рефлексии своей деятельности, глубокого понимания ее причин и следствий, что вкупе с экспансией логики извлечения прибыли существенно тормозит рационализацию общественной жизни, в том числе с помощью наиболее оптимального применения передовых технологий, все более значимая часть которых представлена биомедицинскими технологиями.*

Для разумного управления необходим прочный научный фундамент. В нашем случае речь должна идти о теории, которая бы успешно выявляла и подвергала критике механизмы современного биокапитализма, одновременно с этим намечая пути выхода из порожденного им кризиса к более оптимальному формату существования человека в биологическом плане, строя целостную стратегию последнего. Полагаем, такая теория заслуживает право именоваться *биополитической экономией*, поскольку она могла бы быть органичным продолжением политической экономии, осуществляя деятельность по выявлению противоречий, лежащих в основе капитализма на уровне не только экономики, но и самой человеческой сущности. В этом ключе «био» не является простым довеском: социальная сущность человека имеет свою неотчуждаемую витальную основу, так что все общественные противоречия и антагонизмы проецируются на нее, с неизбежностью порождая патологические в биологическом смысле следствия.

Заключение

Ввиду сущностной связи биовласти с современной социально-экономической системой и

ее ограничениями реализация биополитики как стратегии целенаправленного управления общества своими биологическими основами возможна только в рамках более масштабного перехода цивилизации к качественно новому, более разумному формату своего существования. Многие теоретики указывали на данную потребность. Так, Н. Винер, отталкиваясь от понятия «гомеостаз» в качестве ключевого феномена по поддержанию стабильного баланса, отмечает недостаточность гомеостатических механизмов не только на индивидуальном, но и на общественном уровне: «Можно констатировать, что обычный организм не обладает гомеостазисом, соответствующим всем его нуждам. То же самое не в меньшей степени относится и к политическому организму — государству» [Винер Н., 1994, с. 129]. С. Лем, также предполагая закономерный переход от цивилизации к жизни на основе разумного регулятора (общественного гомеостата), отмечал, что «если формация — как, в частности, капиталистическая формация — склонна к самовозбуждающимся колебаниям (бумы и кризисы), то регулятор может счесть необходимым применить для устранения этих колебаний такие меры, которые вызовут бешеный протест» [Лем С., 2002, с. 172]. Другими словами, так как капитализм, несмотря на его «поздние» (постиндустриальные, информационные) вариации, продолжает функционировать в рамках преимущественно стихийных, в каком-то смысле «бессознательных» механизмов, то очевидно, что переход к подлинно разумному управлению предполагал бы фундаментальные изменения в экономической сфере и в самом способе производства, понятием, повторимся, не только как производство материальных благ, но и как создание человеком самого себя. Основными целями такого управления в идеале должны быть гармоничное развитие человека и максимально полная реализация его антропологического потенциала. Ответ на вопросы о том, какое место в этом будет играть биологическая сторона его сущности, какие ее аспекты и параметры нуждаются в «доразвитии» и какие траектории последнего являются оптимальными для дальнейшего социального прогресса, и должна дать такая новая, существующая пока в виде эскиза область научного исследования как биополитическая экономия.

Список литературы

- Агамбен Дж. Открытое. Человек и животное. М.: РГГУ, 2012. 112 с.
- Агамбен Дж. Что такое повелевать? М.: Грюндриссе, 2013. 72 с.
- Аласания К.Ю.. Философская концепция биовласти: истоки и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2018. № 4. С. 70–77.
- Барбарук Ю.В., Барбарук А.В. Биополитика как форма власти в современном обществе риска // Социология и право. 2018. № 3(41). С. 35–44.
- Винер Н. Индивидуальный и общественный гомеостазис // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 127–130.
- Дубровский Д.И. Биологические корни антропологического кризиса. Что дальше? // Человек. 2012. № 6. С. 51–54.
- Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ // Полис. Политические исследования. 2000. № 1. С. 97–107.
- Лем С. Сумма технологии. М.: АСТ, 2002. 668 с.
- Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001. 256 с.
- Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. М.: АСТ, 2003. 526 с.
- Олескин А.В. Сетевые структуры как биополитический проект // Вестник Российской академии наук. 2007. Т. 77, № 12. С. 1084–1088.
- Рыбин В.А. Биомарксизм: опыт новейшей реконструкции учения Маркса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 2. С. 179–190. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-2-179-190>
- Самовольнова О.В. Социально-философский анализ основных концепций биополитики: М. Фуко, Дж. Агамбен, А. Негри // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2017. № 4–2(10). С. 261–271. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2017-4-261-271>
- Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? М.: Весь мир, 2002. 144 с.
- Хаксли О. Возвращение в дивный новый мир. М.: АСТ, 2018. 192 с.
- Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. 440 с.
- Чешко В.Ф., Глазко В.И. High Hume (биовласть и биополитика в обществе риска). М.: РГАУ–МСХА им. К.А. Тимирязева, 2009. 320 с.
- Яблоков А.В., Левченко В.Ф., Керженцев А.С. О концепции «управляемой эволюции» как альтернативе концепции «устойчивого развития» //

Теоретическая и прикладная экология. 2017. № 2. С. 4–8. DOI: <https://doi.org/10.25750/1995-4301-2017-2-004-008>

Birch K., Tyfield D. Theorizing the Bioeconomy: Biovalue, Biocapital, Bioeconomics or... What? // Science, Technology, & Human Values. 2013. Vol. 38, no. 3. P. 299–327. DOI: <https://doi.org/10.1177/0162243912442398>

Building a new biocultural synthesis: Political-economic perspectives on human biology / ed. by A.H. Goodman, T.L. Leatherman. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2010. 512 p. DOI: <https://doi.org/10.3998/mpub.10398>

Castels M. Communication power. Oxford: Oxford University Press, 2013. 574 p.

Cocco G., Cava B. New Neoliberalism and the Other: Biopower, Anthropophagy, and Living Money. Lanham, MD: Lexington Books, 2018. 254 p.

Conrad P. The medicalization of society: On the transformation of human conditions into treatable disorders. Baltimore, MD: JHU Press, 2007. 224 p.

Foucault M. The crisis of medicine or the crisis of antimedicine? // Foucault Studies. 2004. No. 1. P. 5–19. DOI: <https://doi.org/10.22439/fs.v0i1.562>

Harari Y.N. Homo Deus: A brief history of tomorrow. N.Y.: Random House, 2016. 528 p.

Horne R. et al. A new social contract for medical innovation // The Lancet. 2015. Vol. 385, no. 9974. P. 1153–1154. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(15\)60607-9](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(15)60607-9)

Human enhancement / ed. by J. Savulescu, N. Bostrom. Oxford: Oxford University Press, 2010. 432 p.

Lemke T., Casper M.J., Moore L.J. Biopolitics: An advanced introduction. N.Y.: NYU Press, 2011. 158 p. DOI: <https://doi.org/10.22439/fs.v0i14.3906>

Mingers J. Self-producing systems: Implications and applications of autopoiesis. N.Y.: Springer Science & Business Media, 2013. 246 p.

Nadesan M.H. Governmentality, biopower, and everyday life. N.Y.: Routledge, 2008. 248 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203894620>

Nye J.S. Jr. Soft power: The means to success in world politics. N.Y.: Public affairs, 2004. 191 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/20033985>

Peters M.A., Venkatesan P. Biocapitalism and the politics of life // Geopolitics, History, and International Relations. 2010. Vol. 2, no. 2. P. 100–123.

Rabinow P. Biopower today // BioSocieties. 2006. Vol. 1, no. 2. P. 195–217. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1745855206040014>

Rose N. Molecular biopolitics, somatic ethics and the spirit of biocapital // Social Theory & Health. 2007. Vol. 5, no. 1. P. 3–29.

Schaltegger S., Burritt R., Petersen H. An introduction to corporate environmental management: Striving for sustainability. N.Y.: Routledge, 2017. 384 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781351281447>

Получено 28.06.2019

References

Agamben, G. (2012). *Otkrytoe. Chelovek i zhivotnoe* [The open: Man and animal]. Moscow: RSUH Publ., 112 p.

Agamben, G. (2013). *Chto takoe povelevat'?* [What is a commandment?]. Moscow: Grundrisse Publ., 72 p.

Alasaniya, K.Yu. (2018). *Filosofskaya kontseptsiya biovlasti: istoki i perspektivy* [Philosophical conception of biopower: sources and prospects]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya* [Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy]. No. 4, pp. 70–77.

Barbaruk, Yu.V. and Barbaruk, A.V. (2018). *Biopolitika kak forma vlasti v sovremennom obschestve riska* [Biopolitics as form of power in modern risk society]. *Sotsiologiya i pravo* [Sociology and Law]. No. 3(41), pp. 35–44.

Birch K., Tyfield D. (2013). *Theorizing the bioeconomy: biovalue, biocapital, bioeconomics or... What?* Science, Technology, & Human Values. Vol. 38, no. 3, pp. 299–327. DOI: <https://doi.org/10.1177/0162243912442398>

Castells, M. (2013). *Communication power*. Oxford: Oxford University Press, 574 p.

Cheshko, V.F. and Glazko, V.I. (2009). *High Hume (biovlast' i biopolitika v obschestve riska)* [High Hume (biopower and biopolitics in a risk society)]. Moscow: RSAU-MTAA Publ., 320 p.

Cocco, G. and Cava, B. (2018). *New neoliberalism and the other: biopower, anthropophagy, and living money*. Lanham, MD: Lexington Books Publ., 254 p.

Conrad, P. (2007). *The medicalization of society: On the transformation of human conditions into treatable disorders*. Baltimore, MD: JHU Press, 224 p.

Goodman, A.H. and Leatherman, T.L. (eds.) (2010). *Building a new biocultural synthesis: Political-economic perspectives on human biology*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 512 p. DOI: <https://doi.org/10.3998/mpub.10398>

Dubrovskiy, D.I. (2012). *Biologicheskie korni antropologicheskogo krizisa. Chto dal'she?* [Biological roots of anthropological crisis. What's next?]. *Chelovek* [Human]. No. 6, pp. 51–54.

- Foucault, M. (2004). The crisis of medicine or the crisis of antimedicine? *Foucault Studies*. No. 1, pp. 5–19. DOI: <https://doi.org/10.22439/fs.v0i1.562>
- Habermas, J. (2002). *Budushee chelovecheskoy prirody. Na puti k liberal'noy evgenike?* [Future of human nature. On the way to liberal eugenics?]. Moscow: Ves' Mir Publ., 144 p.
- Harari, Y.N. (2016). *Homo Deus: A brief history of tomorrow*. New York: Random House, 528 p.
- Horne, R., Bell, J., Montgomery, J.R., Ravn, M.O. and Tooke, J.E. (2015). A new social contract for medical innovation. *The Lancet*. Vol. 385, no. 9974, pp. 1153–1154. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(15\)60607-9](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(15)60607-9)
- Huxley, A. (2018). *Vozvrashchenie v divnyy novyy mir* [Brave new world revisited]. Moscow: AST Publ., 192 p.
- Khardt, M. and Negri, A. (2004). *Imperiya* [Empire]. Moscow: Praxis Publ., 440 p.
- Ledyayev, V.G. (2000). *Vlast': kontseptual'nyy analiz* [Power: conceptual analysis]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 1, pp. 97–107.
- Lem, S. (2002). *Summa tekhnologii* [Summa of technologies]. Moscow: AST Publ., 668 p.
- Lemke, T., Casper, M.J. and Moore, L.J. (2011). *Biopolitics: An advanced introduction*. New York: NYU Press, 158 p. DOI: <https://doi.org/10.22439/fs.v0i14.3906>
- Luman, N. (2001). *Vlast'* [Power]. Moscow: Praxis Publ., 256 p.
- Marcuse, H. (2003). *Eros i tsivilizatsiya. Odnomernyy chelovek* [Eros and civilization. One-dimensional man]. Moscow: AST Publ., 526 p.
- Mingers, J. (2013). *Self-producing systems: Implications and applications of autopoiesis*. New York: Springer Science & Business Media, 246 p.
- Nadesan, M.H. (2008). *Governmentality, biopower, and everyday life*. New York: Routledge, 248 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203894620>
- Nye, J.S. Jr. (2004). Soft power: The means to success in world politics. *Public affairs*. 191 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/20033985>
- Oleskin, A.V. (2007). *Setevye struktury kak biopoliticheskiy proekt* [Net structures as biopolitical project]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 77, no. 12, pp. 1084–1088.
- Peters, M.A. and Venkatesan, P. (2010). Biocapitalism and the politics of life. *Geopolitics, History, and International Relations*. Vol. 2, no. 2, pp. 100–123.
- Rabinow, P. (2006). *Biopower today*. *BioSocieties*. Vol. 1, no. 2, pp. 195–217. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1745855206040014>
- Rose, N. (2007). Molecular biopolitics, somatic ethics and the spirit of biocapital. *Social Theory & Health*. Vol. 5, no. 1, pp. 3–29.
- Rybin, V.A. (2018). *Biomarksizm: opyt noveyshey rekonstruktsii ucheniya Marksa* [Biomarxism as the experience of modern reconstruction of Marx's theory]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. Iss. 2, pp. 179–190. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-2-179-190>
- Samovol'nova, O.V. (2017). *Sotsial'no-filosofskiy analiz osnovnykh kontseptsii biopolitiki: M. Fuko, G. Agamben, A. Negri* [Socio-philosophical analysis of basic conception of biopolitics: M. Foucault, G. Agamben, A. Negri]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie* [RSUH Bulletin. Series: Philosophy. Sociology Studies. Art Studies]. No. 4–2(10), pp. 261–271. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2017-4-261-271>
- Savulescu, J. and Bostrom, N. (eds.) (2010). *Human enhancement*. Oxford: Oxford University Press, 432 p.
- Schaltegger, S., Burritt, R. and Petersen, H. (2017). *An introduction to corporate environmental management: Striving for sustainability*. Routledge, 384 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781351281447>
- Viner, N. (1994). *Individual'nyy i obschestvennyy gomeostazis* [Individual and social homeostasis]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World]. No. 6, pp. 127–130.
- Yablokov, A.V., Levchenko, V.F. and Kerzhentsev, A.S. (2017). *O kontseptsii «upravlyаемой эволюции» kak al'ternativnye kontseptsii «ustoychivogo razvitiya»* [The conception of «controlled evolution» as an alternative to the conception of «sustainable development»]. *Teoreticheskaya i prikladnaya ekologiya* [Theoretical and Applied Ecology]. No. 2, pp. 4–8. DOI: <https://doi.org/10.25750/1995-4301-2017-2-004-008>

Received 28.06.2019

Об авторе

Желнин Антон Игоревич

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: antonzhelnin@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6368-1363>

About the author

Anton I. Zhelnin

Ph.D. in Philosophy, Associate professor
of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: antonzhelnin@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6368-1363>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Желнин А.И. Биополитика и биополитическая экономия: сущность концептов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 3. С. 320–330. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-3-320-330

For citation:

Zhelnin A.I. Biopolitics and biopolitical economy: essence of concepts // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 3. P. 320–330. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-3-320-330